
Денис Рогалев
Светомузыка
18+

Денис Рогалев
Светомузыка

https://litres.ru/73895161
SelfPub; 2026

Аннотация

Главный безымянный герой романа обнаруживает себя в такси, осознав, что не помнит, кто он такой и куда едет. Сражённый амнезией он выбирает места наугад, которые чем-то ему отдалённо знакомы. Втягиваясь в череду причудливых ситуаций и конфликтов, герой погружается в абсурдный и фантастический мир, выбраться из которого как будто бы не представляется возможным.

Денис Рогалев
Светомузыка

За чёрным стеклом гасли и вспыхивали красно-зелёные огни рекламных щитов, неоновых проспектов и встречных автомобилей. Огни то разбухали в дожде, превращаясь в абстрактные узоры, то вытягивались в яркие лучи на ветровом стекле, мерцая и скользя мимо того и сквозь того, кто за ними наблюдал на заднем сиденье такси, прислонив горячий лоб к холодному стеклу…

Он не знал, куда везёт его такси. Более того — он не знал, кто он такой и как его зовут. Кажется, он порылся в своих карманах, в коих обнаружилась пачка новеньких денежных купюр, часть из которых пошла в уплату водителю, согласившемуся на поездку в никуда из ниоткуда. Водитель не задавал лишних вопросов, молчал всю дорогу и старался не смотреть на своего странного пассажира в зеркальце заднего вида. Хороший водитель. То, что нужно.

А что нам нужно? Сидим на заднем сиденье, не помня себя, не зная дороги, и наблюдаем за метаморфозами красно-зелёных огней. Касаемся ладонью чёрного стекла в надежде поймать хотя бы одну катящуюся каплю дождя снаружи. И нам это удаётся — одна из капель упала на подушечку указательного пальца, скатившись дальше – вниз на мозоль. Просочилась. Неоновые загогулины и лучи за стеклом про-

должают свой бег, унося нас в неизвестность.

Так что нам всё-таки нужно? Зачем мы сели в такси? Прогуляться. Развеяться. Всё оплачено. Так, наверное, надо думать. Катаемся в чёрном автомобиле по скоростным дорогам стеклянно-бетонного мегаполиса. Куда-нибудь да приедем. Страшно, когда ничего не помнишь и не знаешь о себе. И ведь не за что зацепиться. Всё чужое. Всё безымянное. В карманах куртки и брюк ничего, кроме распакованной пачки денег.

Жизнь с нуля. Жизнь с чистого листа. Надо же как-то себя успокаивать?

Смотрим на приборную доску водителя с разнообразными светящимися датчиками и стрелками, видим красные цифры электронных часов.

22:55

Уже неплохо — мы знаем, что такое часы.

— Здесь остановите, — просит он водителя, привлечённый необычным для стеклянно-бетонного новостроя кирпичным особняком за высоким железным забором. — Я проверю и вернусь.

Такси остановилось, но счётчик продолжал стрекотать. Пассажир покинул салон автомобиля, глухо хлопнув дверцей — он подошёл к железному забору, за которым разрывалась огромная породистая псина на лязгающей цепи. Во-

дитель такси не покидал своего места, молча наблюдая за происходящим из-за закрытого стекла (вспыхнул огонёк его сигареты). Пассажир меж тем прохаживался вдоль забора, пытаясь понять, почему это место привлекло его внимание. Что-то знакомое? Обрывки воспоминаний? Хоть убей — не понимаем.

На лай собаки вышли хозяева. Ворота приоткрылись, на пороге показалась встревоженная женщина средних лет с зонтом в руке.

— Наконец-то! — воскликнула она. — Мы вас заждались… Идёмте со мной. Прошу, проходите.

Он ступил во двор, неуверенно следуя за хозяйкой к кирпичному особняку. Породистая псина на цепи весело поскуливала и повиливала хвостом, ожидая от хозяйки ласкового слова или вкусной подачки.

— Вот сюда, — сопровождала хозяйка гостя, закрывая его от дождя и собаки, указывая ему на крыльцо. — Проходите, дверь открыта.

Гость вошёл внутрь, зажмурившись от яркого света — на порожках он споткнулся, едва не растянувшись в полный рост на полу.

— Умоляю, осторожнее, — попридержала его за локоть расторопная хозяйка. — Мы вас не для того так долго ждали, чтобы теперь так нелепо потерять.

— Извините, — поблагодарил гость хриплым голосом.

— Не разувайтесь! — предупредила хозяйка, заметив, что

гость потянулся к своим ботинкам. — Нельзя терять ни минуты… Прошу вас.

Они прошли в просторную залу, заставленную старинной мебелью с вензелями, ночниками и подсвечниками; на полу возлежал громадный ковёр с вычурным узором; на стенах в широких рамах висели картины, изображавшие идиллическую наготу древних богов на лоне вечно цветущей природы; на книжных полках пылились пухлые тома Гомера, Овидия, Платона, Диогена, Сенеки, Цицерона, Авиценны; круглая люстра всё с теми же вензелями венчала зал, ярко освещая дорогое убранство. Но хозяйка провела гостя совсем в другую комнату, гораздо меньшего размера и не так пышно обставленную, в которой из всей мебели была лишь кровать и тумба с подсвечником. Посреди кровати в белых ползунках неподвижно лежал младенец неопределённого пола, больше похожий на куклу. Над кроватью преисполненный скорби стоял мужчина лет тридцати в чёрном костюме с красными заплаканными глазами и с носовым платком в руке.

— Почему вы сегодня в гражданском? — спросил он гостя, не глядя на него.

— Даже не знаю, что вам ответить, — пожал гость плечами, стараясь не смотреть на неподвижного младенца. — У вас есть зеркало?

— Конечно, — отозвалась хозяйка с удивлением. — В соседней комнате.

Гость кивнул, переступив порог и упёршись в чёрный за-

навес, который плотно закрывал высокое с человеческий рост зеркало. В этой же комнате стояла на полу купель, тазик с половником и стопка белых полотенец.

— Где у вас ванная? — снова спросил у хозяйки незадачливый гость.

— У нас их три, — снова удивилась хозяйка.

— Как пройти к ближайшей?

— Вы забыли? Впрочем… Вернитесь в залу, а там налево и прямо по длинному коридору. В конце коридора ванная комната.

— Благодарю.

Со всей строгостью гость придерживался вышеизложенной инструкции, без труда обнаружив искомую ванную. Но и здесь его ждал неприятный сюрприз — это зеркало тоже было завешено плотным покрывалом. Отодвинуть краешек и заглянуть украдкой? Он тщательно вымыл руки с душистым мылом и трижды ополоснул лицо. В другой раз…

— Может, приступим? — осведомилась хозяйка, когда гость вернулся в комнату.

— Пожалуй, — ответил гость, не зная, на что он согласился.

Мужчина с красными глазами со всей осторожностью снял с младенца белые ползунки и взял его на руки. Младенец шевельнулся. «Живой», — вздохнул с облегчением гость. Вчетвером прошли в соседнюю комнату с купелью, тазиком и полотенцами. Мужчина и женщина выжидательно

уставились на гостя.

— Что мне делать? — спросил он.

— Вам виднее, — сказал мужчина, накрыв младенца полотенцем. — Вы священник.

— Я? — переспросил гость, мучительно пробиваясь сквозь глухой кокон амнезии. — Вы уверены?

— Хватит паясничать, — оскорбился мужчина. — Зачем вы так поступаете?

— Простите меня, — заволновался гость, — но здесь произошла какая-то явная ошибка…

— Никаких ошибок быть не может, — заявил мужчина, передав ребёнка женщине. — Вы сегодня не в себе. Мало того, что вы объявились поздно вечером, так вы ещё и без рясы. Наверняка и крест забыли, книги церковные… Скажите на милость: как вы собираетесь крестить нашего ребёнка и нас без рясы, книг и креста?

— Понятия не имею, — признался обескураженный данным заявлением гость. — Даже если бы я пришёл к вам в рясе, с крестом и церковными книгами я бы, ей-богу, не знал, что со всем этим делать.

Мужчина терял терпение, поминутно сжимая кулаки и подёргивая плечами. Женщина укачивала ребёнка, с испугом посматривая то на мужа, то на гостя.

— Вы верно заметили: я не в себе сегодня, — оправдывался гость. — Я многого не знаю и многое не помню. Однако я абсолютно уверен, что никогда не ходил в священниках.

Вы меня с кем-то перепутали.

— Тогда зачем вы пришли именно к нам? — спросила женщина в лоб.

Гость задумался, не зная, как ответить на данный вопрос. И действительно, почему именно к ним? Дурной сон какой-то. Наваждение.

— Меня привлёк ваш дом, — честно ответил гость. — Кроме того, мне хотелось посмотреть на себя в зеркало.

— Зачем?! — хором спросили и женщина, и мужчина.

— Чтобы увидеть себя, — резонно заметил гость. — Я, знаете ли, совершенно не помню, какое у меня лицо.

— Он сумасшедший, — сказала женщина, отвернувшись к стене с закрытым зеркалом.

— Да-нет, моя дорогая, — усмехнулся мужчина, пощёлкивая фалангами пальцев. — Он совсем не сумасшедший. Он хочет содрать с нас побольше денег.

— Денег у меня полные карманы, — похвастался гость, достав для наглядности пачку. — Видите?

— Мы ошиблись в вас, — говорила женщина, прохаживаясь с ребёнком из угла в угол. — В первую нашу встречу вы нам показались очень достойным человеком и истинным служителем церкви. Не по корысти своей, а по вере. Вы даже убедили нас самим креститься вместе с ребёнком, хотя до встречи с вами мы считали себя атеистами. Вы обманули нас, и теперь разыгрываете этот непонятный и недостойный приличного человека спектакль. Зачем?

— Вы действительно ошибаетесь во мне, принимая меня за кого-то другого, — заверял хозяев гость. — Я никоим образом не хочу оскорбить чести упомянутого вами священника. Судя по вашим словам, он замечательный во всех смыслах человек. Но мы с ним даже не знакомы.

— Откуда вы знаете, если не помните своего лица? — спросила женщина.

— Чутьё подсказывает, — ответил гость. — Мы разные люди.

— Тогда почему он не пришёл сегодня утром? — спросил в свою очередь мужчина.

— Не имею представления. Обстоятельства, наверно, так сложились.

Гость смущённо кашлянул в кулак, отдавая себе отчёт в том, что жестоко ошибся и пришёл совсем не по адресу.

— Уходите, — попросил его мужчина. — Немедленно покиньте наш дом.

— Извините, — кивнул гость, выйдя из комнаты.

В пышной зале его нагнала хозяйка.

— Давайте все успокоимся, — заговорила она, увлекая гостя присесть на диван. — Мне кажется, мы упускаем сейчас нечто очень важное.

— Не понимаю вас, — ответил гость.

— Вы же сами сказали, что многого не помните, — пояснила женщина, присев рядом с ним и взяв его руки в свои ладони. — Обстоятельства бывают разные. Если вы боитесь

заниматься с младенцами, то хотя бы меня с супругом вы можете крестить. Что с нами сделается? Мы взрослые люди. Однажды мы купались в ледяной проруби в минус сорок. И ничего – живы как видите.

— Я не могу, я не умею, — твердил гость, утомившись бессмысленной беседой.

— А вы попробуйте, — не сдавалась хозяйка. — Вы начните, а там, глядите, всё и вспомните. Главное начать.

— Вы меня не слышите, — качал головой гость, медленно выудив свои руки из женских ладоней.

— Это вы меня не слышите, — настаивала на своём хозяйка, снова сцапав его руки в свои и сжав их с силой. — Попробуйте хотя бы, а там как бог на душу положит.

Гость ничего не отвечал, продолжая угрюмо качать головой.

— Хорошо, — поджала губы хозяйка. — Вы не хотите крестить, так хотя бы панихиду отслужите. Сделайте одолжение.

— Какую панихиду? — нахмурился гость.

— В доме покойник! — вдруг вскрикнула женщина. — Зеркала все закрыты. Это-то вы не могли не заметить?!

В соседней комнате зарыдал ребёнок.

— Вон! — рявкнул хозяин, не выходя в зал.

Гость как ужаленный подскочил с дивана и оперативно вышел на крыльцо. Хозяйка вновь нагнала его, раскрыла свой зонт и проводила до ворот. Шли молча. Дождик вкрад-

чиво накрапывал на упругую поверхность зонта.

— Видите? — сказал гость, указывая на рычащего пса. — Собака совсем меня не признаёт. А собаки чувствуют…

Он не успел окончить фразу, получив от женщины тяжёлую прощальную пощёчину. Ворота закрылись, и несостоявшийся «священник» замер посреди улицы один на один с дождём и чёрной «Волгой» с оранжевым в шашечку фонарём на крыше, терпеливо его дожидавшейся. Поглаживая щёку, он прошёлся вдоль забора, наблюдая за тенями в окнах особняка (тени суетились, перемещаясь из одной комнаты в другую). «Интересно, — подумал он: — в какой из них покойник?». Водитель такси дважды нажал на клаксон.

Куда теперь?

Садимся в такси и говорим водителю «прямо». А куда глаза глядят.

По ветровому стеклу шуршали дворники, смывавшие струи припустившего дождя. Сидим на заднем сиденье и наблюдаем за ночным городом, потонувшим в разбухших огнях неоновой рекламы. Люди с зонтами спешно перебегали дорогу, рискуя попасть под капот. Вода катилась по асфальту, исчезая в стоковых колодцах. Тикал счётчик. На приборной доске светилось электронное время.

23:27

Он провёл рукой по стеклу, но капли на сей раз не поймал.

Сухая ладонь. Горячий лоб. Пробиться сквозь кокон амнезии не так-то просто. Воспоминания упорно молчат. Рефлексы заторможены. Глаза лихорадочно высматривают нечто, хоть как-то способное удержать наше рассеянное внимание. Фонари, дома, светофоры, пешеходные «зебры», металлические конструкции, предназначение которых нам неизвестно, зарево молний в налитом тучами иссиня-чёрном небе… Всё пустое. Всё быстротечное, как этот дождь. Опять видим кирпичный особняк за высоким железным забором.

Попытка номер два?

— Здесь, — говорим мы водителю.

Выходим из такси и направляемся к воротам. Собак вроде не слышно. Потоптавшись у ворот, жмём на кнопку звонка. Ждём. Через пару минут показался чёрный зонт, а под ним – маленький человек, никаких воспоминаний, впрочем, у нас не вызвавший. Карлик доковылял до ворот, повернул ключ в замке и, не дав нам произнести и слова, коротко сказал:

— Следуйте за мной.

Во дворе вдоль дорожки стояли в два ряда автомобили. Облачённый в красное борцовское трико карлик указывал путь, забавно перескакивая с ноги на ногу.

— Ботинки снимать? — осведомился гость.

— Разумеется, — удивлённо произнёс маленький человек в борцовском трико.

Сняв обувь, гость осмотрелся в поисках зеркала.

— Одну минуту, — сказал он своему провожатому, заме-

рев перед высоким зеркалом, позволявшим увидеть себя во весь рост.

Кто это? Кто смотрит сейчас на нас из зазеркалья? Чужое лицо, чужое тело… Глаза безмолвствуют, губы беспомощно подрагивают, мокрые волосы слегка всклокочены (расчёска бы не помешала). Приглаживаем волосы ладонями и продолжаем смотреть дальше. Вглядываться, пронизывать зрачками пустое нутро в надежде докопаться до сути. На вид лет тридцать – тридцать пять. Не больше.

— Нас ждут, — поторопил карлик.

Ничего. Никаких воспоминаний. Лицо как лицо. Зацепиться не за что.

— Идёмте, — вздохнул гость, не узнавая себя.

Маленький человек отворил двойные двери, дав гостю пройти в просторную залу, ярко освещённую свечами, в то время как сам остался ждать снаружи. В зале вполне себе комфортно разместились на полу и на диванах обнажённые мужчины и женщины более десятка штук. Они не сразу заметили гостя, предаваясь плотским утехам с каким-то самозабвением и даже остервенением — женщины поминутно вскрикивали под натиском мужских чресел, изнывая и агонизируя в эротических припадках. Четверо пристроились друг за другом этаким «паровозом», стоя на четвереньках, уткнувши лица между раздвинутых ягодиц. Обилие обнажённых тел смутило гостя до крайности, и он уже подумал улизнуть обратно за дверь, как его окликнул мужской голос:

— Бруно, мальчик мой!

К гостю подошёл обнажённый лысый мужчина с чёрной маской на глазах и с бокалом в руке.

— Ты где запропастился? — вопрошал мужчина, отвесив шлепок по чьей-то скачущей верхом на ком-то заднице. — Мы тут подыхаем без тебя от скуки.

— Что-то незаметно, — переминался с ноги на ногу сконфуженный гость, стараясь не смотреть на эрегированный орган собеседника.

— И всё же им скучно, — заверил мужчина в маске. — Просто виду не показывают, претворяются, обманывают самих себя, хотя на самом деле им всё это давно опостылело. День за днём одно и то же. Выть хочется!

— Я, пожалуй, пойду, — сказал гость, взявшись за ручку двери.

— Ты издеваешься?! — воскликнул обнажённый мужчина, преградив ему путь к отступлению. — Неужели ты думаешь, что я тебя отпущу после стольких часов ожидания? Или ты опять явился сюда с тем форменным бредом, что присылал мне в последний раз? Так с друзьями не поступают.

— Не понимаю, о чём ты? — ответил гость, отстранившись от двери.

— Сколько мы вместе? — спросил его мужчина с бокалом в руке. — Не больше пяти лет? За это время ты успел обзавестись семьёй, прикупить себе загородный домик и новенький автомобиль. Всё благодаря нашему сотрудничеству.

Кем ты был до меня? Никому ненужным и неизвестным писакой, чьи книги никто не покупал. И вот ты встречаешь меня: богатого, красивого, скучающего предпринимателя. Я предлагаю тебе сделку, и ты соглашаешься, вовремя сообразив, что я и есть твой счастливый билет. Ты стал писать для меня необыкновенные, полные причуды, фантастические порно-рассказы и порно-сценарии, которые мы воплощаем в жизнь. Твоя фантазия безгранична. Я со своей стороны щедро оплачивал твой труд. А неделю назад ты прислал мне по электронной почте, — заметь, не сам явился, — прозаический опус в несколько страниц, не имеющий к порнографии никакого отношения. И я вот думаю: либо ты в большой обиде на меня за что-то и таким образом решил избавиться от моего общества, либо ты окончательно сошёл с ума и поставил точку на своей карьере.

— Какой карьере? — усмехнулся гость. — Порно-писателя?

— Почему бы и нет? — ответил голый собеседник. — Для меня ты пишешь непотребности. Для крупных издательств – свои книги, которые ты издаёшь за свой собственный счёт, оплачивая заодно и расходы по рекламе. Без неё сейчас, увы, никак. Тебе не надо искать спонсоров. Я твой спонсор.

Гость покосился на обнажённых женщин, вставших на четвереньки бедром к бедру и образовавших живой круг, в центре которого копошился и пыхтел мужчина с повязкой на глазах, определявший по запаху наиболее подходящий для

себя объект вожделения.

— Есть другая догадка, почему ты со мной так поступил, — обращаясь к гостю, продолжал мужчина в чёрной маске. — Ты стал жадничать и захотел вытянуть из меня побольше денег. Я угадал?

— Что же за день такой сегодня? — качал головою гость. — Дважды меня обвинили в жадности. Ещё раз говорю – денег у меня полные карманы.

— Чего же ты хочешь?

— Правды.

— Какой правды?

— Кто я есть такой, откуда пришёл и куда пойду.

Мужчина пытливо вглядывался в гостя, его чёрные зрачки бегали, а на губах змеилась сытая ухмылка.

— Голуба моя! — засмеялся он, хлопнув гостя по плечу. — Это философский вопрос. Все мы хотим знать, кто мы есть и куда идём. Но никому из нас не дано узнать наверняка. Уж извини.

Гость дёрнул ручку двери, но та не поддалась (карлик надёжно запер её на ключ). Сбежать так просто не получится.

— Я вижу, что с тобой творится что-то неладное, — сказал обнажённый мужчина, вручив потерявшемуся гостю свой бокал. — У всех у нас бывают чёрные полосы в жизни. Даже у таких успешных дельцов как я.

Он увлёк гостя к красному дивану, откуда только что скатился клубок из переплетённых рук и ног.

— Иной раз делается так тошно на душе, хоть пулю в рот пускай, — признался лысый собеседник, сняв с глаз свою маску. — Словно холодная стальная рука впивается в глотку и не отпускает. День не отпускает, другой… Неделю держит, пока заливаешь эту самую глотку алкоголем и пудришь ноздри порошком. Но проходит какое-то время и всё становится на свои места. Всё образуется. Работа, деньги, дорогие игрушки… Они отвлекают нас от горестных мыслей и наполняют нашу жизнь хоть каким-то материальным смыслом. Не надо много думать о сути вещей. Мозг запросто может свести с ума на ровном месте. Я прочитал твой рассказ. Дважды прочитал. Он впечатлил меня. Я потому и злюсь на тебя теперь, что он едва меня не выбил из привычной колеи. Ты не обидишься, если я верну тебе твой рассказ? Не хочу, чтобы он оставался у меня.

— Мне всё равно, — ответил гость, перебирая пальцами бокал.

— Вот и славно, — улыбнулся собеседник. — Не надо о грустном. Бешеный ритм нашей жизни мне тем и нравится, что он отвлекает нас от скорбных мыслей. Стоит остановиться и задуматься, как ритм сбивается и опрокидывает нас в тартарары. Всё кажется пустым и бессмысленным. Становишься чужим сам себе.

Гость зажмурил глаза. По щеке его прокатилась слеза.

— Ты чего так скис? — затряс его мужчина. — Брось ты! Выкинь из головы глупые мысли. Мы сами делаем жизнь та-

кой, какой мы её хотим видеть. Мы сами определяем своё счастье, даже если оно лишь видимость. Пусть так! Сейчас я хочу пить, веселиться и валять дурака со всеми этими голыми людьми ночь напролёт. Присоединяйся к нам. Избавься от одежды – в ней ты как белая ворона. Хочешь девочку на выбор? Или мальчика? Любой твой каприз.

— Я пас, — сказал гость, стиснув мокрые веки большим и указательным пальцами. — В другой раз.

Он осушил бокал до дна, поставив его на мягкий ковёр.

— Ну, вот, — простонал обнажённый мужчина, закопошившись в своём паху. — Опять упал… Где моя пилюлька?!

Он переступил через кувыркавшихся на полу голых женщин, двинувшись вглубь комнаты, где стоял стол с напитками и серебряный поднос, наполненный разноцветными таблетками. Рассыпав на столе белый порошок, мужчина сделал из него пару аккуратных бороздок и поочерёдно втянул их в обе свои ноздри, втерев остатки порошка в дёсны.

— Всё из-за твоих философских разговоров, — пожаловался мужчина, вернувшись к гостю с бутылкой коньяка и горстью таблеток. — Видишь, к чему приводит переизбыток размышлений?

Две таблетки незамедлительно отправились ему в рот, а следом за ними в глотку брызнул коньяк.

— Держи, — поморщился он, налив бокал и гостю. — Пей, давай, чтобы грусть отпустила. Будем сочинять новый сценарий.

Гость выпил свой бокал в два захода, закусив предложенной мужчиной плиткой молочного шоколада.

— Выпил? — спросил тот. — Отлично. Бутылка вся твоя – мне больше нельзя, иначе капут. А теперь дай волю своей фантазии.

— Я постараюсь, — пообещал гость, стиснув бутылку в руках.

— Как ты себе всё представляешь? — допытывался у него мужчина.

— Оргия в самом разгаре, — говорил гость, уставившись на обнажённые тела, заполонившие собой всю комнату. — Сотня свечей подрагивает язычками пламени. Воск стекает и капает на уязвимую плоть. И мужчинам, и женщинам такое нравится. Они вскрикивают и ускоряют темп. Они зорко следят друг за другом, дабы разрядка случилась у всех одновременно.

— У всех одновременно, — повторил себе под нос лысый мужчина. — Хорошая задумка… Продолжай.

— Те, кто уже разрядился, топчутся в сторонке и наблюдают за особенно выносливыми участниками оргии, чтобы на их примере возбудиться снова и пойти на очередной заход, — бормотал гость. — Уходят вдвоём или втроём, втискиваясь в общий телесный пазл, становясь частью единого механизма.

— Ты говори то, что хочешь видеть, а не то, что видишь сейчас, — перебил мужчина, надев на глаза чёрную маску. —

Со зрением у меня всё в порядке. С фантазией вот туговато. Ты нам нужен, Бруно. Твоё воображение, как спасательный круг для всех нас. Мы давно в игре, и халтуру чувствуем за версту.

— Никакой халтуры, — возразил гость, хлебнув из бутылки. — Я не в лучшей форме сейчас. Могут быть погрешности. Я соберусь и сосредоточусь.

— Уж соберись, пожалуйста, — попросил его мужчина.

— Итак, — произнёс гость, сощурив глаза, — что мы имеем? Просторная комната, горящие свечи и три дивана со столиком…

— Другая мебель, поверь мне, здесь и не нужна.

— Более десятка участников…

— Пятеро мужчин на девять женщин, — уточнил мужчина.

— Лихо, — кивнул гость, всех пересчитав. — Как давно вы начали?

— Около часа назад.

— Когда обычно заканчиваете?

— К утру, — раздражался обнажённый мужчина. — Какое всё это имеет значение?

— Важна каждая деталь, — говорил гость. — Я ведь должен наметить для себя фронт работы, не так ли?

— Ну и капризен же ты сегодня!

— Идём дальше, — тянул время гость. — Кто здесь главный?

— У нас нет главных, — заметил мужчина. — Хоть я и хозяин дома, но роли для себя я выбираю разные. В прошлый раз, как ты прекрасно знаешь, я был рабом, а незадолго до того – императором.

— Древнеримским?

— Древнегреческим! Куда ты ведёшь?

— Не хочу повторяться, — ответил гость. — Костюмированное представление нам ни к чему. Мы не актёры в театре.

— Раньше ты придерживался иного мнения. Да и меня игра захватывала. Я забывал про всё, будто попадал в параллельную реальность. Игра возбуждала не меньше, чем сам процесс. Сначала, не скрою, мы «кололись», смеялись друг над другом, но потом все вовлекались с головой и забывали про условность ролей.

— С головой, говоришь? — усмехнулся гость. — Допустим. Но ведь можно вообще отбросить всякую условность и сконцентрироваться исключительно на самом процессе соития. От начала и до конца.

— Поясни…

— Кого интересует сюжет в порнографии? Вот именно – никого. Сюжет всегда примитивен, а игра не выдерживает минимальной критики. В нашем жанре важны нюансы иного свойства: наличие чулок или шпилек на обнажённой женщине, какого они цвета, побрита женщина в интимных местах или у неё там заросли (каждого возбуждает своё), как она стонет и какие звуки издают её половые органы в момент

соития, как мужчина вынимает свой орган и каким образом он извергает своё семя, проливаемое на женщину…

— Кажется, я тебя понял, — попридержал гостя обнажённый мужчина. — Нюансы вещь запоминающаяся, но их надо обговаривать заранее.

— Что мы и делаем, — согласился гость. — Помимо нюансов нам также важны физические особенности каждого из участников оргии: какая у них анатомия, выносливость и пластика. Кто-нибудь умеет делать шпагат?

— Я даже не знаю, — запнулся собеседник, поглядывая на совокупляющиеся тела.

— Играете во всякую допотопную дребедень, а физические данные друг друга не знаете, — заметил с укором гость. — Ты умеешь садиться на шпагат?

— Я? — засмеялся собеседник.

— Понятно, — констатировал гость. — Прошу минуту внимания!

Обращаясь к участникам оргии, он поднял руку, желая тем самым привлечь к себе всеобщее внимание. И лишь пронзительный свист лысого мужчины заставил их хоть как-то отреагировать.

— Кто из вас умеет делать шпагат?! — повторил свой вопрос гость.

В ответ поднялись четыре женские руки и одна мужская.

— Отличная статистика, — сказал гость. — А кто из вас когда-либо занимался гимнастикой и сохранил способность

воспроизводить сложные трюки?!

В воздухе, похожая на маятник, повисла одна женская рука.

— Превосходно, — помахал ей ладошкой гость. — Извините за беспокойство. Можете продолжать!

— И что нам это даёт?

— Как минимум, начальную раскадровку. Всё завертится вокруг той милой барышни с короткой стрижкой. Парень со шпагатом встанет на подхвате. Другие девушки с растяжкой будут ассистировать.

— У нас оргия, а не чемпионат по гимнастике, — напомнил лысый мужчина в чёрной маске. — Я на такие трюки не способен. Я не у дел?

— Расслабься и получай удовольствие, — ответил гость, глотнув из бутылки коньяку. — Трюки делают они. Ты же и сотоварищи занимаетесь своими обычными делами: поочерёдно обхаживаете гимнастку.

— Рад слышать, — заулыбался мужчина.

— Назревает другой вопрос, — продолжал гость: — как у вас с импровизацией?

— Полный порядок, — заверил собеседник. — Мы часто импровизируем и многое добавляем от себя. Где-то развернуть, где-то подмахнуть… Ну, ты понимаешь меня.

— Как давно ваша компания вместе?

— Все ребята проверенные. С некоторыми из них мы общаемся больше пяти лет. Есть новички, но все они профес-

сионалы своего дела. Могу за них ручаться.

— Значит, чувствуете друг друга, — резюмировал гость. — Часто проводите видеосъёмку?

— Не часто. Лишние расходы на оборудование и съёмочный персонал. Камеры отвлекают. Дубли угнетают. Результат разочаровывает. У нас как в театре – действо происходит у всех на глазах в режиме реального времени. Если мы и снимаем, то исключительно сами и своими подручными средствами.

— Сегодня снимаете?

— Нет. Все хотят участвовать. Если только ты нас поснимаешь?

— Как-нибудь в другой раз, — усмехнулся гость.

— Слушай, — произнёс обнажённый мужчина, — ты всё время отказывался, юлил… Сам-то не хочешь к нам присоединиться?

— Я?

— Ты.

Гость смотрел на обнажённых женщин и мужчин, прикидывая в уме, как бы он повёл себя на их месте, окажись он в центре событий?

— Боюсь, меня не хватит надолго, — пробормотал гость. — Здесь нужны определённые навыки и уловки, которыми я не обладаю.

— Чепуха! — возразил мужчина. — Ещё сто грамм коньяка сверху, и тебя хватит на двоих. Время можно растяги-

вать по своему желанию. Опять же, волнение от дебюта тебе только на руку. На худой конец выпьешь пару волшебных пилюль. Мы все их пьём, чтобы дожить до утра.

— И женщины?

— Особенно женщины, — сказал мужчина. — В прошлый раз одна перебрала, так мы её шлепками по заднице выводили из ступора.

— Какого ступора?

— Оргазмического.

— Что плохого, если женщине хорошо?

— Сердце может не выдержать… Ты мне зубы не заговаривай. Явился сюда сам собственной персоной, а теперь пытаешься меня убедить, что не хочешь участвовать в наших игрищах. Кого ты хочешь обмануть?

— Самого себя, — ответил гость. — Я здесь явно не в своей тарелке.

— Чёрт с тобой, — отмахнулся собеседник. — Силком никто не заставляет… Давай вернёмся к сценарию, иначе мой поверженный боец окончательно загнётся в окопах.

— Сюжет разворачивается вокруг гимнастки, — сказал гость, сосредоточенно сдвинув брови. — Вы её обхаживаете, импровизируя на ходу. Важны мимика и жесты каждого из участников.

— Мы знаем своё дело…

— Всё идёт своим чередом: скачки, чудеса акробатики, смена партнёров, но потом, в качестве кульминации, проис-

ходит нечто такое, чего никто не ожидает, чего никто до сих пор не видел.

Гость умолк, соображая, что бы это могло быть.

— Ну? — выжидал мужчина, заинтригованный до крайности.

— Нам нужен спецэффект в натуре, — выдал гость, глотнув из бутылки.

— Не переоценивай наши возможности. Какой ещё спецэффект?

— В натуре.

— И что сие означает, позволь полюбопытствовать?

— Сам толком не знаю, — усмехнулся гость. — Хожу, брожу вокруг да около… Конкретику нащупать не могу.

— Пара трансвеститов? — предположил мужчина в маске. — За ними ехать надо…

— Не то, — покачал головой гость. — Слишком просто.

— Гермафродиты с женскими и мужскими половыми органами?

— Уже теплее.

— Тайки с говорящими вагинами?

— Ещё теплее.

— Всё, — сдался мужчина. — Моя фантазия иссякла.

— С твоим-то опытом? — удивился гость.

— Человеческие возможности всё же имеют свой предел, — сказал собеседник, откинувшись на спинку красного дивана. — Однажды мы хотели собрать одних близнецов, но у

нас ничего не вышло.

— Не нашли?

— Близнецы пошли в отказ.

— Радостно слышать, — сказал гость.

— Да уж, — облизнулся мужчина. — Потом мы искали сиамских близнецов-неразлучников.

— Тоже пошли в отказ?

— Не нашли.

Мужчина заставил себя засмеяться, задрав голову к потолку.

— Никто и ничто не может утолить наших страстей, — признался он, состроив скорбную мину. — Трудно быть развратником. Ох, как трудно!

— Вам нужно существо, не имеющее себе аналогов, — произнёс гость.

— С уродами мы не связываемся, — заметил собеседник.

— Почему сразу уроды?

— А кто тогда, инопланетяне?

— Вроде того, — ответил гость. — Существо, представляющее собой один сплошной половой орган.

— Так-так-так? — оживился мужчина. — Кажется, ты что-то нащупал.

— Множество органов в одном.

— Продолжай…

— Без рук, без ног.

— Ага.

— *Эскулабус*.

— Как-как-как?

— Эскулабус.

— Очень интересно, — заулыбался похотливый собеседник. — И как он выглядит, этот самый Эскулабус?

— Нечто шарообразное и упругое с множеством жадных отверстий способное выворачиваться наизнанку, — предположил гость.

— Ух, ты! — возрадовался мужчина, уставившись на свой пенис. — Восстал мой феникс. У-у-у! Продолжай, давай.

— Форма, впрочем, может изменяться и отличаться от первоначальной, подстраиваясь под индивидуальные предпочтения каждого из участников оргии, — едва поспевал за собственной мыслью гость. — Помимо отверстий у Эскулабуса имеются длинные и упругие отростки, подозрительно напоминающие мужской половой орган. Отростки возникают прямо из отверстий, стимулируя буйную плоть и выстреливая вязкой жидкостью.

— Отлично! — восклицал обнажённый мужчина, приободряя себя и своего «феникса». — Ты не молчи! Жги по полной!

— Соприкасаясь с нагими мужчинами и женщинами, Эскулабус поглощает их без остатка, стирая физические границы между телами, между полами, пронизывая всех и вся отростками, словно щупальцами, топящими плоть в океане наслаждения, где время и пространство теряют значение.

— Эскулабус.

— Эскулабус.

— Явись же нам и утоли наши страсти!

— В зал распахнулись потайные двери, откуда и возникло всем на диво невиданное никем доселе шарообразное и упругое существо, представляющее собой один сплошной половой орган.

Все падают ниц, будто под гипнозом. И женщины, и мужчины прерывают вялотекущую оргию, замерев на четвереньках перед существом. Самые отважные из них решаются подползти поближе, ощущая пульсацию плоти – своей и Эскулабуса. Голод растёт. Похоть испепеляет. В трансе обнажённые люди тянут руки к существу, надеясь, что оно сольётся с ними в едином экстазе и поглотит их без остатка с тем, чтобы утолить буйство плоти навсегда.

Стены зала сочатся густым семенем, источая запах потных гениталий и анальных желёз. Алым бутоном похожим на гигантский пульсирующий сфинктер Эскулабус выворачивается наизнанку, засасывая в себя обнажённые тела мужчин и женщин, нанизывая их через отверстия, словно бусины на нить.

— Как я понимаю, в моих услугах здесь более не нуждаются? — осведомился гость, поднявшись с красного дивана.

— Верно понимаешь, — отозвался зачарованный и возбуждённый донельзя мужчина, упав на колени и двинувшись на четвереньках к Эскулабусу. — Ступай, Бруно. С меня

причитается.

Гость осторожно направился к выходу, перешагивая через сплетенья голых тел, копошившихся на полу. Достигнув дверей, он громко постучался. Карлик в красном борцовском трико отворил замок.

— Держите, — сказал гость, вручив ему бутылку с остатками коньяка.

— И вы держите, — ответил маленький человек, отдав стопку бумаг, свёрнутых в трубку.

Двери за ними затворились. Стоны и крики из зала стали едва слышны.

— Это когда-нибудь кончится? — спросил гость.

— Никогда, — ответил карлик, предлагая гостю пройти во двор.

У калитки они молча распрощались. Дождь накрапывал слегка. Такси терпеливо дожидалось своего пассажира.

« Бруно, — усмехнулся тот, спрятав трубку из бумаг во внутренний карман куртки. — Вот ещё выдумал».

Он перепрыгнул через лужу и хотел уже влезть в такси, когда на противоположной стороне улицы увидел точно такой же кирпичный особняк — полную зеркальную копию.

Попытка номер три?

Водителю такси даём знак рукой, чтобы он дожидался нас и дальше. Потоптавшись у высоких железных ворот, жмём на кнопку звонка. Видим седовласого мужчину средних лет, спешащего нам на встречу.

— Что угодно? — спрашивает он, добежав до ворот.

— Нас ждут, не так ли? — отвечаем мы дерзко и самоуверенно.

— Давно ждут! — спохватился мужчина, отворяя все запоры и замки. — Уж всякое терпенье потеряли… Прошу за мной.

Минуем двор по дорожке, вдоль которой также в два ряда стояли автомобили. В парадной разуваемся и вновь замираем перед зеркалом. Может на сей раз что-нибудь шевельнётся внутри? Вертимся перед зеркалом. Чешем правую ляжку. Нет. Ничего. На вид лет тридцать – тридцать пять. И всё на этом. Кокон вязок и непроницаем. Скорлупа воспоминаний по швам не трещит.

— Кто я теперь? — спросил гость у своего провожатого. — Священником и порно-писателем я уже был. Учтите.

— Простите, — ответил тот, — но я вас не очень понимаю.

— Я и сам мало что понимаю, — признался гость, отвернувшись от зеркала с чужим отражением.

Из парадной мужчины прошли в гостиную, где стоял длинный стол, ломящийся от всевозможных блюд и яств. От обилия ярких фруктов и спелых овощей пестрило в глазах. За столом картинно сидели нарядно одетые дамы и господа (всего двенадцать персон) весьма солидной наружности и невероятно толстые — все, как один, в инвалидных колясках. На белых стенах висели чучельные головы диких живот-

ных: лосей, кабанов, волков и медведей…

— Приятного аппетита, — сказал гость присутствующим, услышав в ответ громкое урчание коньяка в своём желудке. — Я вам не помешал?

— Шутить изволите? — усмехнулась пышная дама в ярко-красном платье. — Вы опоздали, зная, что мы без вас тут пропадаем.

— Присаживайтесь, — предложил гостю стул провожавший его седовласый мужчина. — Приборы я сейчас подам.

— Пропадаете? — переспросил гость, усевшись в самом центре застолья. — Каким образом, позвольте узнать?

— Вы обещали нам новое меню, — сказала пышная дама, не прерывая своей трапезы. — «Пальчики оближите»… Ваши слова?

— Что-то не припомню, — ответил гость.

— Молчите, — чавкнула дама. — Слова ваши. Обещание тоже ваше. Кухня полностью готова. Персонал давно вас дожидается.

«Ага, — догадался гость: — теперь я повар!»

— На кухне вы найдёте весь ассортимент продуктов, — продолжала дама в красном. — Если понадобится что-то экзотическое, мы немедленно пошлём человека, и он всё достанет. Меню, надеюсь, при вас?

— Дай сначала ему поесть, — вставил крупный мужчина в чёрном смокинге с бабочкой, сидевший по правую руку от пышной дамы. — Работа ему предстоит кропотливая, твор-

ческая, а на голодный желудок вдохновения не получишь. Слышишь, как у него урчит? Сапожник без сапог получается.

— Ладно, — сдалась дама в красном. — Пусть поест.

В ту же секунду перед гостем стремительно легли на белоснежную скатерть все необходимые столовые приборы. Ароматы блюд пьянили. Глаза прыгали по тарелкам и супницам, не зная, на чём остановиться.

«Интересно, — подумал гость: — когда я ел в последний раз?».

— Вы не стесняйтесь, кушайте, — сказала ему дама в синем платье с широким декольте. — У нас тут самообслуживание.

— Даже не знаю, с чего начать, — ответил гость, выбрав тушёное мясо с подливой и пюре (то, что ближе к нему стояло).

— Попробуйте устриц, — посоветовал ему господин с тремя подбородками. — Они сегодня исключительно замечательные.

Для наглядности он всосал в себя пару устриц с лимонным соком.

— Чем тебе омар не угодил? — спросил у него другой господин, у которого полностью отсутствовала шея (квадратная голова росла прямо из плеч).

— Я до него ещё не дошёл, — усмехнулся трёхбород.

— Так оставь устрицы в покое и попробуй омара, — ска-

зала ему квадратная голова. — Не надо зацикливаться на одном блюде, даже если оно тебе очень нравится. Пробуй всё и понемногу.

— Дельный совет, — вставила самая пышная за столом дама. — Я только так и поступаю. И никаких проблем с желудком.

— Так уж совсем никаких? — недоверчиво отозвался сидевший напротив неё усатый толстопуз.

— Представьте себе, — обиженно подтвердила дама.

— А как же изжога, несварение, запоры, в конце концов? — загибал пухлые пальцы усатый. — Все люди страдают этими недугами в нашем возрасте, и не обязательно с нашей с вами комплекцией.

— Вы на что намекаете? — ахнула дама.

— Ни на что я не намекаю, — говорил толстопуз, уплетая за обе щеки омара и запивая его устрицами. — Я лишь констатирую факт.

— И каковы ваши факты?

— Стройняшкой вас не назовёшь, как и меня, как, впрочем, и всякого за этим столом. Или у вас есть какие-то сомнения?

Все посмотрели на гостя, сосредоточенно поедавшего мясо с подливой и пюре. Гость поймал на себе всеобщие взгляды, виновато сглотнул и запил водой из бокала.

— Он посторонний, — сказал усатый господин. — Но и он наверняка, нет-нет, да и мучается изжогой.

— Вы мучаетесь? — спросила у гостя самая пышная дама.

— Наверное, — пожал плечами гость.

— А несварением?

— И запорами тоже, — ответил за гостя усатый толстопуз. — Вообще-то вы не очень похожи на повара. Тем более на шеф-повара. Сколько вам: тридцать – тридцать пять? Никак не больше. Все повара, каких я встречал, были людьми в возрасте, когда достигается необходимый для мастерства опыт, и, если не толстыми как все мы, то в теле, но никак не худыми.

— К чему ты ведёшь? — спросил трёхбородый.

— Не очень-то он похож на шеф-повара, — заключил усатый.

Гость выжидал, потеряв всякий интерес к еде. Все смотрели только на него. Смотрели и чавкали, отбивая аппетит сочными и смачными звуками, раздававшимися со всех концов стола, поглощаемой с неубывающей жадностью еды. Отложив вилку, гость почувствовал сильный жар на грани обморока (чаша с овощами приобрела чёткие очертания человеческого лица — щекастыми помидорами лицо жевало зелёный лук и тошно чавкало, поедая самое себя).

— Снимите куртку, голубчик, — обратилась к гостю дама в синем платье с декольте.

— Можно? — осведомился у присутствующих гость.

— Валяйте, — дал своё согласие мужчина в чёрном смокинге.

Гость расстегнул куртку, повесив её на спинку своего стула.

— Так лучше, не правда ли? — спросила дама в красном.

— Благодарю, — кивнул гость, пригладив на груди белую футболку.

— Шеф-повара бывают разные, — продолжила дискуссию самая пышная из дам. — Я вот встречала худых поваров. Они всё своё свободное время проводят у плиты, набивают руку, экспериментируют и перекусывают на ходу.

— О каких перекусах вы говорите? — возразил ей усатый господин, поглядывая на гостя с нескрываемым недоверием. — Повара должны обожать еду как таковую. Они просто обязаны кушать много и постоянно, иначе грош им цена. Любое искусство, включая кулинарное, не терпит халтуры.

— Вы хотите сказать, что я халтурщик? — не выдержал гость, устав от нападок.

На какое-то мгновение над столом повисла совершенная тишина (так холодно и жёстко прозвучали его слова) — челюсти перестали жевать и чавкать, рты облизываться, а глотки проталкивать еду.

— Я… я ничего не хочу сказать, — стушевался усатый пузан, промокнув свои жирные губы салфеткой.

— Ну, так молчите, — ответил ему гость с той же жёсткостью. — Вы видите перед собой человека в первый раз в жизни, но уже сделали о нём поспешные отрицательные выводы. Это характеризует вас не с самой лучшей стороны. Вот

вы, к примеру, чем занимаетесь сами?

— Я адвокат, — сказал пузан не без гордости. — И весьма успешный адвокат. Среди моих клиентов много знаменитостей, которых вы…

— Охотно верю, — прервал его гость. — Я не буду оспаривать вашу компетентность.

— Сделайте одолжение.

— Однако ж и вы сделайте одолжение: не оспаривайте мою.

— Господа, примиритесь! — вмешалась в назревающий конфликт дама в красном. — Не надо ссор за столом – они не способствуют хорошему пищеварению.

— Зато помогают выделять необходимую желчь, — усмехнулся усатый, сверкнув на гостя злыми глазками.

— Все присутствующие за столом весьма компетентные люди, — щебетала дама в красном платье. — Каждый в своей сфере. Среди нас есть замечательный адвокат и первоклассный шеф-повар. С последним мы знакомы давно, и смею заверить, сегодняшний ужин вы запомните надолго.

— Не сомневаюсь, — отозвался усатый пузан, сделав из салфетки комочек.

— Пройду на кухню, — сказал гость, поднявшись из-за стола. — Напомните, где она?

— Прямо и налево, — ответил мужчина в смокинге.

Гость кивнул и пошёл в указанном направлении.

— Забыл где кухня? — злорадствовал адвокат.

— Рассеянность – свойственная гениям черта, — заступилась дама в красном.

На кухне меж тем уже суетились повара, делавшие первые заготовки. Они поприветствовали гостя, признав в нём своего шефа и наставника. Закипали кастрюли, вспыхивали сковородки, острые ножи чеканили нарезку… Шеф и наставник деловито топтался у плит, пробуя из деревянных ложек всевозможные бульоны и соусы, отдавая (на свой вкус) нехитрые указания:

— Чуть-чуть соли не хватает… А здесь перец не повредит.

Одетые в белоснежные фартуки и колпаки помощники беспрекословно выполняли все его распоряжения. Над одной из плит крепился лист бумаги, на котором значилось текущее меню. Гость бегло ознакомился с блюдами, встретив массу незнакомых ему терминов из кулинарии: *буйабес, сабайон, тальятелле…*

— Кого я обманываю? — прошептал гость, с унынием взглянув на бурлящие кастрюли. — Какой к чертям из меня повар? Прав сволочь адвокат.

— Простите? — переспросил один из помощников, суетившийся у плиты.

— Сволочь, а не адвокат, — повторил гость погромче.

— Шеф, возвращайтесь к гостям, — сказал ему помощник. — Не распыляйтесь по пустякам. Мы сделаем всё по высшему разряду.

— Мне казалось, что я должен участвовать при готовке непосредственно сам, — ответил «шеф» с некоторой неуверенностью.

— Безусловно, — заверил его помощник. — Мы вам позвоним, как дело дойдёт до основного блюда. Без вас никак.

— Позвоним, говоришь?

— Или пошлём кого-нибудь за вами.

— Без разницы, — махнул рукой гость, не желавший покидать уютную, полную вкусных ароматов кухню и возвращаться в гостиную за длинный стол к обжорам.

— Вы нам не доверяете? — спросил с обидой в голосе помощник, заметив, что «наставник» не торопится уходить, пробуя соусы и бульоны по второму, по третьему кругу.

— Доверяю, друг мой, доверяю, — вздохнул гость, отложив деревянную ложку и покинув кухню.

Его возвращение в гостиную ознаменовал раскатистый удар гонга. Гость вздрогнул, испуганно осмотревшись по сторонам, но никакого гонга он нигде не увидел. Сидевшие за столом дамы и господа на громкий удар никак не отреагировали, словно ничего необычного не произошло, поглощённые своими спорами о еде.

— Запечённая в духовке баранья нога! — выкрикнул бородатый мужчина с блестящей в свете электрических ламп лысиной. — Барашек должен быть непременно молодой. В мясе ягнёнка меньше плёнок и посторонних привкусов. К соли и перцу добавляем дольки чеснока, которыми мы бук-

вально нашпиговываем молодое мясо. Некоторые ещё добавляют базилик, но это уже на любителя. После духовки мясо должно потомиться минут пятнадцать, чтобы, так сказать дозреть. И подаём к столу. Пальчики оближите!

— Форель в горчично-сливочном соусе – вот услада для истинного гурмана! — вставил другой господин с густыми бровями и волосатыми пальцами. — Рыбка получается очень нежной. Соус можно сделать простой, например, залить рыбу лимонным соком. Сливки постоянно помешиваем, чтобы они не свернулись. Добавляем в сливки эстрагон, который мы предварительно тщательно промываем, сушим и мелко рубим. Быстро, незатейливо и, главное, невероятно вкусно!

— Если рыба, то только сёмга! — подхватила дама в чёрном платье с блёстками. — Берём четыре стейка красной рыбы, посыпаем их зернистой солью и чёрным молотым перцем. Добавляем на стейки щепотку сахара и сушёного имбиря. После маринада жарим наше добро на оливковом или подсолнечном масле в духовке полчаса. Готовые стейки украшаем зеленью или подаём с овощным гарниром. Вот где изысканность и простота сочетаются идеально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.